

**Моя
биография**

Андрей Шляхов

*Главная бабушка
Советского Союза*

Долгая жизнь и короткая любовь
Татьяны Пельтцер

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.101.1-1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш70

Шляхов Андрей Леонович.

Ш70 Главная бабушка Советского Союза / Андрей Шляхов. — Москва: Издательство АСТ, 2017. — 320 с. — (Моя биография)

ISBN 978-5-17-101404-9

Татьяна Ивановна Пельтцер... Главная бабушка Советского Союза.

Слава пришла к ней поздно, на пороге пятидесятилетия. Но ведь лучше поздно, чем никогда, верно? Помимо актерского таланта Татьяна Пельтцер обладала большой житейской мудростью. Она сумела сделать невероятное - не спасовала перед безжалостным временем, а обратила свой возраст себе на пользу. Это мало кому удается.

Судьба великой актрисы очень интересна. Начав актерскую карьеру в детском возрасте, еще до революции, Татьяна Пельтцер дважды пыталась порвать со сценой, но оба раза возвращалась, потому что театр был ее жизнью. Будучи подлинно театральной актрисой, она прославилась не на сцене, а на экране. Мало кто из актеров может похвастаться таким количеством ролей и далеко не каждого актера помнят спустя десятилетия после его ухода.

А знаете ли вы, что Татьяна Пельтцер могла бы стать советской разведчицей? И возможно не она бы тогда играла в кино, а про нее сами снимали бы фильмы.

В жизни Татьяны Пельтцер, особенно в первое половине ее, было много белых пятен. Андрей Шляхов более трех лет собирал материал для книги о своей любимой актрисе для того, чтобы написать столь подробную биографию, со страниц которой на нас смотрит живая Татьяна Ивановна.

УДК 821.101.1-1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Шляхов А.А.

ISBN 978-5-17-101404-9

© ООО «Издательство АСТ», 2017

*Невымученных мук, невырожденных гроз
Так много позади, и тяжек сердца стук.
Оранжевый закат лианами оброс
Невыкорченных мук.
Оранжевый закат! ты мой давнишний друг...*

Игорь Северянин,
«Рондо оранжевого заката»

От автора

Татьяну Ивановну Пельтцер я впервые увидел на экране в четырехлетнем возрасте. Кажется, то был мой первый поход в кинотеатр. Или второй... Но точно — один из первых, потому что это было Событие с большой буквы.

На детском десятичасовом сеансе показывали «Приключения жёлтого чемоданчика». Сейчас я задумываюсь — уж не эта ли картина разбудила во мне подспудное желание стать врачом...

Впрочем, дело не в этом.

Увидев на экране бабушку, которая сначала была вполне обычной бабушкой, а потом наелась конфет, избавляющих от страха, и начала творить чудеса, я был поражен и очарован. И сейчас, проходя по улицам Молодцова и Лётчика Бабушкина (а я по ним хожу довольно-таки часто), я всегда вспоминаю Татьяну Ивановну и «Приключения жёлтого чемоданчика». На крыше этого дома она лихо отплясывала, а вот здесь она не менее лихо поднималась по пожарной лестнице... Человека давно уже нет, а память живет.

Немного позже я познакомился с Дарьей Семёновой из «Приключений Толи Клюквина», затем — с фрекен Бок, которая, в отличие от мультяшной, выглядела не такой уж и вредной. Просто чувствова-

лось, что у этой женщины есть свои принципы, которыми она никогда и ни за что не поступится. Ну а дальше я просто сбился со счета. Но всякий раз, увидев на экране знакомое лицо, я радовался, потому что знал — сейчас будет нечто особенное.

Нет маленьких ролей, есть маленькие актеры. Не в смысле роста, а в смысле таланта. У Татьяны Пельтцер все роли были большими, пусть даже она и появлялась на экране всего на несколько минут.

На сцене я видел Татьяну Ивановну в «Трех девушках в голубом», во «Встречах на Сретенке» и в «Поминальной молитве». На «Молитву», если честно, лучше бы было не ходить, потому что чувствовалось, что это прощальный спектакль великой актрисы. Было очень грустно. До слез.

В моей домашней фильмотеке есть четыре десятка фильмов с участием Татьяны Пельтцер и телевизионные версии всех спектаклей с ее участием, среди которых я больше всего люблю «Проснись и пой».

Эта книга началась с одного-единственного вопроса. Однажды я задумался о том, почему слава пришла к Татьяне Ивановне так поздно? Ведь она же начала свою актерскую карьеру еще до революции... В поисках ответа я неожиданно для себя самого увлекся настолько, что набрал материал для книги. За несколько лет материал успел отлежаться (это непременно нужно, иначе книга получится сырой), кое-что уточнилось, кое-что прояснилось, и наконец летом 2016 года я принялся за работу над книгой об одной из самых любимых моих актрис. Если что, то самых любимых актрис у меня всего две — Фаина

Раневская и Татьяна Пельтцер. О Раневской я уже писал, причем не раз.

Посмертная судьба (не люблю я этого оксюморона, но приходится употреблять) знаменитых людей складывается по-разному. Одним история в лице современников и потомков воздает должное, другим — недодает. Татьяне Пельтцер история явно недодает того, что ей причитается. Надеюсь, что мой скромный труд немного улучшит положение. Во всяком случае, это первая полная биография великой актрисы, охватывающая всю ее жизнь от рождения до последнего периода жизни.

Я выражаю огромную признательность тем, кто помог мне пролить свет на темные пятна в биографии Татьяны Ивановны Пельтцер. Любая биография, если это настоящая биография, — труд коллективный. В одиночку можно писать сентиментальные романы, но не биографии.

Что из этого получилось, судить вам, дорогие читатели.

Надеюсь, что чтение будет приятным.

Глава первая

МЕЛЬПОМЕНА НАГРАЖДАЕТ СЛАВОЙ, А НЕ ЗЛАТОМ

Воздушная эльфочка в детском наряде

Внимала тому,

что лишь эльфочкам слышно.

Овеяли тонкое личико пышно

Пушистых кудрей беспокойные пряди...

Марина Цветаева, «Эльфочка в зале»

Гордость российской ветви рода Пельцеров — прадедушка Наполеон к началу двадцатого столетия успел превратиться из человека в легенду. Обычно для этого требуется больше времени, чем каких-то восемьдесят лет, но очень уж скор на дело был славный предок. Не тороплив, а именно скор, не подумав, не делал, но делал быстро. А еще прадедушка был умен и удачлив. Совсем как его знаменитый тезка. Из-за имени Наполеон в России Пельцеров многие считали французами, хотя на самом деле они были немцами. Отец прадедушки Иоганн Вильгельм Пельтцер назвал сына в честь своего кумира и благодетеля. Благодетелем Наполеон Бонапарт стал после того, как устроил секуляризацию* монастырского имущества на занятой французами западной части Пруссии. Бонапарт, с его грандиозными планами, вечно

* Секуляризация (от лат. «saecularis» — светский, мирской) — изъятие церковной собственности в пользу государства. (Здесь и далее прим. авт.)

нуждался в деньгах. Кроме того, немецкие монастыри со времен Тевтонского ордена традиционно воспринимались соседями как источник постоянной военной угрозы. Пускай к началу XIX века монахи стали миролюбивы и не брали в руки оружия, но стереотипы, как известно, живучи.

Благодаря секуляризации в продажу разом поступило столько земли и недвижимости, что цены сильно упали. Те, кто вовремя оказался в нужном месте и обладал средствами, получили уникальную возможность разбогатеть. Так всегда и бывает — одни воюют, а другие наживаются. В распоряжении Иоганна Пельтцера имелись не только собственные средства, но и казна небольшого города Вейсвеллера, бургомистром которого он стал с приходом французов. В Пруссии у Корсиканца было не так уж много сторонников, поэтому все, кто хотел служить новой власти, получали хорошие должности. И хорошие возможности. Другие покупали землю клочками; пусть и сильно подешевевшая, она все равно стоила немалых денег, а Иоганн смог приобрести целый монастырь со всеми его владениями. Небогатый купец превратился в крупного землевладельца.

Старший сын Иоганна Пельтцера Наполеон становиться помещиком не хотел. Будучи поделенным между тремя братьями, а также с учетом выдачи некоторой доли имущества в приданое сестре, отцовское наследство выглядело не очень привлекательно. К тому же амбиции у юноши были поистине наполеоновскими. Сначала он собрался было искать счастья в богатом нидерландском городе

Маастрихте, но вскоре передумал и обратил взор на восток, в сторону России. В Маастрихте каждый гульден рвали друг у друга из рук охотников. Конкурент сидел на конкуренте и конкурентом погонял. А в России, если верить слухам, умные люди могли очень быстро сколотить состояние, потому что возможностей там было больше, чем желающих ими воспользоваться. Наполеон решил рискнуть. Весной 1821 года, сопровождаемый вместо благословений отцовскими проклятиями, девятнадцатилетний Наполеон покинул отчий дом с сотней талеров в кошельке. Иоганн не хотел отпускать своего первенца, упрекал в том, что тот не оправдывает отцовских надежд и подает братьям плохой пример. «Так все вы разлетитесь из отчего дома и оставите меня одного», — ворчал Иоганн. Его слова оказались пророческими. Следом за Наполеоном в Россию уехали не только два младших сына Фридрих и Георг, но и дочь Елена. Устоять было невозможно, так велики были успехи Наполеона и так соблазнительны приходящие от него письма.

На ловца и зверь бежит. К 1821 году касимовский купец Иван Прокофьевич Кожевников выстроил в Свиблове под Москвой большую суконную фабрику и оборудовал ее по последнему слову тогдашней науки и техники*. Четырнадцать корпусов, свое пожарное депо, башня, в которой располагалась фабричная контора (ну чем не прообраз современного Москва-Сити?), дома для рабочих, образовавшие целый посе-

* Остатки этой фабрики сохранились до нашего времени.

лок! Фабрика выпускала так называемое «тонкое» сукно, имевшее широчайшее применение — от солдатских портянок до дамских мантий. «Затея», так называл фабрику сам Кожевников, обошлась ему в три миллиона рублей, совершенно невероятные по тем временам деньги. Едва начав работать, фабрика удостоилась высочайшего внимания. Сначала ее посетил император Александр Первый, а затем — вдовствующая императрица Мария Федоровна. Хорошо начав, Кожевников плохо закончил, потому что транжира он был известный и расходов с доходами совершенно не соотносил. Но речь не о нем, а о юном Наполеоне Пельцере, для которого недолгая работа на фабрике Кожевникова стала началом славного пути. Недолгая, потому что, изучив дело, Наполеон на паях со своим земляком Эдуардом Кенеманом открыл в подмосковном Соболеве собственную фабрику. Капитал, состоявший из ста отцовских талеров и собственных накоплений, был небольшим, с ним Наполеон смог записаться только в третью купеческую гильдию. Но это было только начало. В 1832 году, после того как соболевское сукно получило золотую медаль на Московской промышленной выставке, с Пельцером стали считаться другие суконные фабриканты. Можно сказать, что за десять лет амбициозный юноша сумел сделать себе имя в одной из самых перспективных промышленных отраслей того времени.

Отношения с Кенеманом были хорошими, оба семейства даже породнились — младший брат Эдуарда Кенемана Виктор женился на родной сестре Наполеона Елене, но тем не менее положение

младшего компаньона (Кенеману принадлежало две трети дела) небольшой фабрики не устраивало Наполеона. В 1845 году он переехал в Санкт-Петербург, где на паях с председателем столичного Биржевого комитета промышленником и банкиром бароном Александром фон Штиглицем купил обанкротившуюся суконную фабрику близ Нарвы. Возродившись из праха, Нарвская суконная мануфактура очень скоро стала одним из столпов тонкосуконного производства Российской империи. Продолжительное время офицерские мундиры в российской армии шились только из нарвского сукна. Наполеон Пельтцер достиг всего, о чем мечтал. Разбогател, добился уважения в обществе, стал отцом большого семейства. Умер он в 1900 году, за четыре года до Танечкиного появления на свет, поэтому девочка знала прадеда по портрету и по рассказам отца, Иоганна Робертовича Пельтцера, которого все знали как Ивана Романовича.

Отец-актер рассказывал о великом предке очень выразительно, причем всякий раз, импровизируя, менял какие-нибудь детали, чтобы дочери интереснее было слушать. Неизменными оставались лишь сто талеров и тот факт, что в Россию юный Наполеон шел пешком, зарабатывая на пропитание чем придется, чтобы не тратить денег зря. Всякая немецкая легенда об уважаемом предке непременно содержит штрих, характеризующий его бережливость.

— Неужели пешком?! — ахала Танечка.

— Пешком, пешком, — кивал отец. — С котомкой за плечами и деньгами, зашитыми в пояс...

Иногда деньги хранились в кошельке за пазухой, иногда были спрятаны среди вещей. Разбойники не раз пытались ограбить Наполеона, но он всякий раз от них отбивался, потому что был богатырь и храбрец. О дорожных приключениях слушать было интереснее всего, потому что в России уже начиналось скучное — работал, женился, купил одну фабрику, затем другую и так потихоньку разбогател.

— А когда мы разбогатеем, папа? — наивно интересовалась Танечка.

Разбогатеть очень хотелось, чтобы ездить в красивых каретах, одеваться как принцесса, три раза в день — на завтрак, в обед и вечером есть сладкое. Танечка любила все сладкое, но больше всего — шоколадную пастилу по восемьдесят копеек за фунт. Мама покупала полфунта и растягивала больше чем на неделю, а у принцесс, как представлялось Танечке, в спальне стояли в ряд сундуки со сладостями — черпай горстью да ешь сколько влезет.

— Я не ищу богатства, дочь моя! — восклицал отец, становясь в возвышенную позу. — Я служу Мельпомене, а Мельпомена, да будет тебе известно, награждает славой, а не золотом!

Славы Танечке тоже хотелось. Чтобы все вокруг узнавали, улыбались, аплодировали. Чтобы портреты в газетах печатали. Она уже была готова согласиться с отцом насчет того, что слава лучше богатства, но вмешивалась мать.

— Что мне с той славы?! — трагическим шепотом вопрошала она, потому что не любила громких перебранок, которые были хорошо слышны соседям. —